

Серия «Бессмертный полк»

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ-ИЖЕВСКИЙ

ПЕРВЫЙ ШАГ В
АРМАГЕДДОН

Александр Щербаков-Ижевский

Первый шаг в Армагеддон.

Серия «Бессмертный полк»

«Издательские решения»

Щербаков-Ижевский А.

Первый шаг в Армагеддон. Серия «Бессмертный полк» /
А. Щербаков-Ижевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850018-3

От детонации дыбом встала земная твердь, всё пространство вокруг меня сотрясилось от обезумевшего воздуха. Грохот в ушах был плотным, как сама земля. Взрыв был ужасающей силы. Наступила кромешная темнота. Но солдаты откопали меня быстро. Очень сильно болела голова и тошнило до блевотины. «Не ссы, полководец! Я сказал же, что жить точно будешь. Вот отрыгаешься и веселее на душе станет. Ты сунь, сунь два пальца в глотку». Меня всё равно «качало», но постепенно я «разошёлся»... Помер и помер...

ISBN 978-5-44-850018-3

© Щербаков-Ижевский А.
© Издательские решения

Содержание

Светопреставление обогрѣнное кровью	6
Приобщение к аду кромешному	6
Безучастный пофигизм и вольфрамовый холодок	14
Коммунистический переполох	23
Святогор и его наследие	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Первый шаг в Армагеддон Серия «Бессмертный полк»

Александр Щербаков-Ижевский

*Светлой памяти моего отца Ивана Петровича Щербакова
(28.10.23 – 10.06.64) посвящаю...*

*Вечный ореол бессмертия и лавры победителей героям Великой
Отечественной войны!*

Северо-Западный фронт.

Новгородская область. Старая Русса-Демянск-Рамушево.

1942—1943 гг.

Редактор Анна Леонидовна Павлова

Дизайнер обложки Александр Иванович Щербаков

Корректор Игорь Иванович Рысаев

© Александр Щербаков-Ижевский, 2017

© Александр Иванович Щербаков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0018-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светопреставление обагрённое кровью

Приобщение к аду крошечному

В декабре 1941 года я с отличием закончил Пензенское артиллерийское училище с присвоением звания «лейтенант» и убыл в распоряжение Уральского военного округа в город Чебаркуль. Здесь как раз происходило второе формирование 166-й стрелковой дивизии.

Напомню читателю, что 166-я стрелковая дивизия 1-го формирования под командованием полковника Алексея Назаровича Холзина (1899—1941) была происхождением из Томска.

В 1941 году сибиряки спасли Россию под Смоленском и Вязмой при этом почти все погибли, утратив дивизионные штандарты.

Из 14 тысяч человек дивизии к 15 декабря 1941 года из Вяземского котла вышли из окружения всего 517 солдат и командиров, собранных со всех окружённых частей других воинских формирований.

Красноармейцев из 166 дивизии было не более 200 человек.

Тогда, 166-я стрелковая дивизия по штабным документам прекратила своё существование.

Но 22 ноября 1941 года в городе Чебаркуль Челябинской области на базе 437-й стрелковой дивизии Уральского военного округа началось новое, уже второе её формирование.

Командовал организацией дивизии генерал-майор Фёдор Михайлович Щекотский, а комиссарами были Н. С. Лесь и М. Е. Самарин, начальником штаба полковник А. И. Попов.

Я был направлен в ряды уже новой, вновь формировавшейся дивизии. Меня назначили заместителем командира миномётной батареи 517-го стрелкового полка.

Командиром полка был подполковник Д. Я. Прошин.

С 16-го февраля по 15-е апреля 1942 года 166-я стрелковая дивизия по железной дороге через Москву и станцию Бологое была переброшена в Ярославскую область, на станцию Любим.

Её позиция была закреплена за Ставкой ВГК.

Затем, в срочном порядке все части дивизии перебросили в район города Осташков и Чёрный Дор.

Именно там 166-я стрелковая дивизия вошла в подчинение 53-й армии Северо-Западного фронта под началом генерал-лейтенанта Е. П. Журавлёва.

На тот момент было мне 18 лет.

... При выгрузке из эшелонов дивизия подверглась сильнейшей бомбардировке с воздуха. Особо пострадали 735-й и наш, 517-й полк. Немцы засекли продвижение частей дивизии и, в дальнейшем, беспрестанно мучили бомбоштурмовыми ударами их «певуны», «Юнкерсы».

Наша стрелковая дивизия в 14 тысяч человек личного состава со своими тремя стрелковыми полками, с артиллерией, обозами, санитарной частью и тылами двинулась в сторону фронта.

Казалось, что лес и окружающее вязкое пространство пришли в движение. В округе всё шевелилось, двигалось, роптало, гудело, шелестело. Воздух стал плотным от неожиданного рокота, тяжёлым и мутным в своём восприятии.

Дивизия практически не делала остановок на своём пути. У некоторых машин вода вскипала в радиаторах, моторы грелись, но их никто не ждал. Починятся и сами догонят. Правда, если повезёт разыскать своих.

Тяжёлые пушки тащили тракторами ЧТЗ (Челябинский тракторный завод), которые ещё вчера были задействованы в сельском хозяйстве, а сегодня исправно служили фронту. Но у этих гражданских тракторов часто рвались гусеницы, из строя выходила ходовая часть. Те, у которых заклинило двигатель бросали прямо на обочине дороги. Мудохаться с ними было некогда, потому что средняя скорость их движения итак была не велика, где-то 4 километра в час.

Привалы, остановки были очень короткими. Люди едва успевали оправиться, глотнуть водички, стряхнуть налипшую грязь с ног, как уже звучала команда

– Строиться!

И снова вперёд к намеченной цели.

Лица, одежда солдат, стальные каски, стволы орудий, крупы лошадей, двуколки, подводы, закрытые чехлами пулемёты «максим», наши миномёты, машины, противотанковые ружья, ящики с боеприпасами-всё было покрыто влажной капелью.

Влага была везде. В ноздрах, ушах и даже приходилось вместо слез воду с бровей стряхивать.

От разгорячённых спин шёл пар, а отсыревшие в карманах спички не загорались.

Вся территория, по которой мы двигались, была покрыта в основном лесами и болотами. Она была абсолютно недоступна для транспорта и тем самым непригодна для ведения боевых действий. Состояние дорог лишь в незначительной степени отвечало военным требованиям и то лишь на ближайших подступах к крупным населённым пунктам, да на возвышенностях.

Кроме того, даже если попадалась железнодорожная линия, то это совсем не означало, что параллельно ей будет проходить и автодорога.

Из-за болот, постоянно встречавшимися на пути, обходными манёврами двигаться было невозможно.

Поэтому далее по грунтовым, просёлочным, полевым дорогам, лесам, болотам и между озёр дивизия пробивалась к месту сосредоточения расположенного в Новгородской области южнее Демянска. Именно пробивалась. Да ещё и героически.

Стадные инстинкты массового движения захватывали всех. Ездовых, водителей, артиллеристов, штабных работников, санитарные повозки, полевые кухни и даже штрафников охватил азарт скоротечности и стремительности продвижения.

Все торопились. На убой?

...Однажды самолёты выскочили из-за верхушек деревьев совершенно неожиданно. Противный вой бомбардировщиков разрывал барабанные перепонки. Ужасной силы взрывы грохотали повсюду. Возникало ощущение, что каждая первая бомба попадёт именно в тебя и разорвёт на кусочки.

Я успел прыгнуть в неглубокую ложбинку, когда раздался оглушающий грохот. Над головой ярким пламенем брызнула вспышка адского всполоха. От детонации дыбом встала земная твердь, всё пространство вокруг меня сотрясалось от обезумевшего воздуха.

Грохот в ушах был плотным, как сама земля. Взрыв был ужасающей силы.

Наступила крошечная темнота.

Но солдаты откопали меня быстро. Очень сильно болела голова, и тошнило до блевотины. Не имея сил подняться, я сидел на сыром пенёчке, мотал гудящей головой, а Петруха пермский, балагур и весельчак из 1-го взвода всё приговаривал

– Не ссы, полководец! Я сказал же, что жить точно будешь! Вот отрыгаешься и веселее на душе станет. Ты сунь, сунь два пальца в глотку. Я после браги, да перепою в деревне всегда так делал.

У меня никак не получалось стоять на ногах. «Болтало» из стороны в сторону. Но я был молодым, сильным и в медсанбат не пошёл. Просто совесть не позволяла «выпендриваться», когда страдали и другие такие же люди, раненные солдаты.

По округе, кругом валялись брошенные и разбитые телеги, двуколки. Кое-где горели машины. Ветра не было, поэтому вонь от чадающей резины стояла невыносимая. У одного гаубичного орудия разворотило станину и её никак не удавалось закрепить к тяге трактора. Получалось, что она перегородила дорогу. Наконец-то общими усилиями роты, под дружные возгласы «раз-два взяли» её выволокли на обочину. На скукоженной траве, где-то с краю от середины колонны валялось много убитых красноармейцев. Они лежали, как скошенная трава. На глазах бредущих людей, по приказу начальника хозяйственной части бывалые ребята с трупов стали снимать обмотки, тяжёлые кованые ботинки, защитные рубахи. Шинельки да шапки складывались отдельной горой. Штрафники не комплексовали и особо не сентиментальничали, церемониться было не с руки, приказ выполняли. Даже обильно залитая кровью одежда сдиралась с тел. Получалось, что мертвецы раздевались донага. Всё равно их удел был решён, поблизости уже зияла раскуроченным зевом большая братская могила. А полковые прачки по любому окровавленную одежду отстирают на постое. Сами понимаете, что служила она два, а то и три круга использования.

Возле кустов боярышника распластался убитый майор. На широко раскинутых ногах у него блестели яловые сапоги, а галифе были непривычно синего цвета. Фуражка с голубым верхом утонула в луже. Неподалёку лежала его тяжелораненая лошадь рыже-чёрной масти с оторванной ногой. Штрафники быстро сняли с неё подпругу, старенькое седло с выкрашенным опять же в синий цвет ленчиком. Один из них схватил за гриву хрипящую кобылу, другой полоснул ножом. По цепочке передали команду, чтобы подтянулись служивые из полевой кухни. Это была их добыча. Не пропадать же добру. Некоторые солдаты от увиденной трагедии плакали, на ходу утирая слёзы рукавами шинелок.

В санбате случилась своя трагедия. Взрывной волной швырнуло о ствол вековой сосны молоденькую сестричку. Валюшу-одуванчика. Её смуглое молодое лицо не потеряло своей красоты и в предверии смерти. Под красивыми, выгнутыми дугой бровями поблёскивали ещё живые полужакрытые глаза. Губы были пухлые и сочные, но их красоту оценить было уже невозможно, потому как из горла пузырями вываливались сгустки крови. Было понятно, что от удара ей переломило позвоночник. Жемчужины зубов ещё были видны в суспензии, а слипшиеся пряди волос прикрывали враз побледневшую, припухлую щёку. Страшно было видеть, что и на эту недавно ещё живую и, казалось бы, вечную красоту, смерть уже наложила свой отпечаток. До слёз было жаль красивую дивчину.

Отбомбившись, вражеские самолёты улетели. Нескончаемые колонны красноармейцев пошли дальше, а я стал догонять своих.

Меня всё равно немного «качало», но постепенно я «разошёлся».

Продвигались мы очень медленно, и у меня сложилось понимание того, что мы совершенно не имеем представление о силах противника. Где-то там у них была крепкая оборона. Там. Достаточно скудно и всё.

Но мы всё шли и шли в том направлении, где должен был находиться наш враг. Беспощадный, бескомпромиссный и кровожадный.

Прилегающие к шоссе дороги были забиты людьми, лошадьми, техникой. Всё было подчинено одной цели, как можно скорее достичь намеченного рубежа.

Создавалось впечатление, что это ползёт громадное живое существо, и метр за метром подминает под себя расквашенную дорогу, ругается, матерится, горлопанит и ёрничает над неумехами, разбрызгивает жирный и жидкий, как взвесь чернозём по всей округе.

От лошадей, закипевших моторов, с мокрых спин красноармейцев, из носоглоток людей идущих к своему краю стелился густой пар. Там, где лес обжимал дорогу вплотную и не было ветра столб марева не позволял разглядеть колонну впереди идущих далее двух повозок.

Тем временем с неба стал падать противный сырой снег с дождём. Дорожная грязь, перемолотая тысячами сапог, сотнями колёс и гусениц, противно чавкала. Колонны двигались крайне медленно.

Паршивая погода в здешних местах была не редкостью. Она случалась в январе, феврале и марте. Большинство дней бывали облачными. Осадки были регулярными в виде снега и дождя. Жесточайшие морозы до минус тридцати сменялись оттепелями с устойчивыми туманами.

А с неба всё сеял и сеял мелкий холодный то ли снег, то ли лёд с дождём. Видимо, сюда доставали ветры с Балтики. Сырая промозглая бездонность неба опрокидывала на наши головы ушаты генерированной воды. Промозглая мгла оседала и на дорогу, на траву, на деревья. В воздухе пахло не просто влагой, казалось, что мы даже дышим водой.

В таких случаях обмундирование набухало в два счёта. Шинель стала тяжелой и торчала колом, будучи насквозь пропитана влагой. Сырость проникала и за ворот шинели.

А сам вещмешок, наш штатный сидор утяжелел в разы.

Ноги увязали в грязи и люди вытаскивали их с совершеннейшим трудом. Колёса телег временами утопали по самую ось во взвешенную мерзкую грязь.

Видимость была ограниченной.

Хуже такой мерзопакостной погоды, пожалуй, никогда и не было.

А у меня по-прежнему страшно ныла контуженая голова.

На одну из наших миномётных повозок пехота загрузила штатный станковый пулемёт «Максим» с боекомплектом. Пулемётчик Закиров уселся рядом и стал жевать сухарь.

На марше к нему подскочил злой и пьяный офицер с одной шпалой в петлице. Капитан. Затем он подошёл второй раз. Третий.

Шайтан Закиров, как сидел, тупо жуя свой несчастный сухарь, так и продолжал бездействовать.

В следующий раз офицер подошёл к пулемётчику со спины и со всего маху ударил его рукоятью своего «ТТ» прямо в висок.

Закиров мешком вывалился из повозки и без движения замер на обочине.

Мимо распластавшегося в полужидком чернозёме тела двигались сотни и сотни сапог. Тысячи людей проходили мимо. Конца краю людскому перемещению не было видно.

Понятно, что на марше никто расследовать происшествие, конечно же, не станет. Люди шли и шли. Кому, какое дело будет до кровоподтека на грязной роже солдата, пулемётчика и шайтана по-совместительству, Закирова.

Помер и помер. Закопают, и из списков вон вычеркнут, по убийству.

Где-то в хвосте колонн тащилась и гауптвахта. Мы-то знали, что для штрафников появилась работа. Без суда и следствия, быстренько прикопать на обочине труп шайтана Закирова. Орёлики там ещё те содержались. Да и кто откажется от дармовых ста грамм за землеройный труд.

Мерзавец, молоденький, пьяный и борзой офицерик, сволоочь. Капитан ещё не обстрелянный в боях. Он совершенно не предполагал о причинах инфантильности контуженного в прошлом, поэтому и слегка глуховатого пулемётчика Закирова.

А сложность перезарядки штатного «Максима» была в том, что его боекомплект, металлические коробки с запасными лентами от постоянной сырости протекали. Брезентовые ленты во время дождя, от снега, грязи намокали и набухали. Поэтому, обслуживание «станкача» требовало немалого труда и времени, чтобы в течение боя его случайно не заклинило.

На марше задачу по очистке брезентовых лент от грязи и влаги выполнить было крайне сложно, если не сказать, что невозможно.

Рядовой Закиров не слышал приказов капитана и просто тупо ждал привала. Конечно же, он был обязан выполнить обычную, нудную, рутинную и привычную для себя работу пулемётчика.

Но для него в этот раз не сложилось.

Ночевали мы прямо в лесу у разоженных костров. А речушки преодолевали по деревянным, наспех сооруженным сапёрами мосткам.

Во время движения колонн погода абсолютно не менялась. Сырость и вся дорожная мерзость просто достали.

Поступила команда, что строжайше запрещено с дороги на обочину. Даже по большой нужде. На этом участке движения кругом были мины.

Я уселся поудобнее в свою штатную двуколку, накрылся лошадиной попоной и вздремнул «про запас». Проснулся и понял, что уже долго стоим на месте.

Привстав на облучок, увидел, что голова колонны стояла на большой поляне у перекрёстка дорог. Дорога направо была перекрыта шлагбаумом из еловой жерди с надписью «Минер», а налево была полностью заросшая бурьяном. Скорее всего, ею давно не пользовались.

Группа офицеров на перекрёстке о чём-то спорила. Неподдалёку согнулся и осторожно что-то копал сапёр. На вытянутых руках он отнёс в сторону мину в деревянном корпусе, пролежавшую здесь с 1941 года. Стало понятно, что обходной дороги не будет, а старые советские мины надо будет просто взрывать.

Кто-то, кому-то стал возражать. Между старшими офицерами разгорелся ожесточённый спор.

Завидев меня, полковой инженер махнул рукой, приглашая подойти. Я спрыгнул с двуколки и поскользнулся в грязной придорожной жиже, упав боком на плащ-палатку.

Не успев подняться, я увидел сполох сильного взрыва над группой людей, на совещание которых меня приглашали. Гимнастёрка моя от взрыва прилипла к телу, а поток горячего воздуха обдал лицо, разгорячённое после сна. Лошади засучили ногами и заржали от испуга.

Оглядев своих батарейцев, я пришёл к выводу, что на этот раз от смертушки «пронесло». Значит, не судьба была погибнуть нам и в этот раз.

Но на перекрёстке в клочья разорвало замкомполка подполковника Кожухова. Погиб начштаба полка капитан Ванюшев и полковой инженер Каплун. Замполит подполковник Сарычев получил сильнейшую контузию и лежал поодаль без движения. Красноармеец – сапёр Голубков исчез. Его так и не нашли. Видимо разорвало на слишком мелкие кусочки.

Подошедшие офицеры – сапёры установили, что в руках у солдата взорвался советский противотанковый фугас.

Страшная и безысходная это штука, судьба.

Когда распогодилось, в небе опять завывли «Юнкерсы». Ближе к вечеру ездовой Ефим Лопырев не успел угнать повозку в лес. Бомба грохнула поблизости и ему, прямо сзади в шею воткнулся крупный осколок.

Окровавленный он лежал на жухлой лесной траве лицом вниз.

Немецкие самолёты уже улетели, а мы сгрудились рядом и обсуждали, чем можно было помочь ездовому.

Ефим был в сознании и попросил водки.

Солдаты с осторожностью повернули его голову набок. И мы стали заливать ему водку из горлышка бутылки прямо в глотку через свёрнутый в трубочку сухостойный лист.

К этому времени уже подбежала молоденькая военфельдшер. В санитарной сумке у неё были перевязочные пакеты и, почему-то, пинцет. Я приказал ей

– Тяни осколок руками! Вытаскивай!

Военфельдшер, Анечка Копотева, по началу, пыталась протестовать и, даже, всплакнула немножко. Боялась. Мне пришлось силой посадить её на корточки и гаркнуть Аньке прямо в лицо. Она вздрогнула и начала шевелиться.

Ефим видимо захмелел, начал мычать. Но, ему было больно и он стал сучить каблуками сапог друг о дружку. Однако, бойцы нещадно распластали тело раненного на земле и встали коленками на его разбросанные руки. Зафиксировали. Ефрейтор Сапожников встал на колени таким образом, чтобы зажать голову.

Подрезав мышцы шеи почти до основания черепа протянутым перочинным ножом, девушка рукой потихоньку вытянула из мяса ездового металлический «пропеллер». Все ожидали, что брызнет фонтан крови. Но этого не последовало. И слава богу. Несколькими стежками суровой хирургической нити, что нашлась в сумке она стянула рану и наложила толстенный тампон, обтянув шею свеженьким марлевым бинтом.

Все облегчённо вздохнули.

А Ефим безудержно матерился. Ему не перечили, только смахнули грязной и выброшенной кем-то портянкой кровь с шинелки. Аккуратно уложили на живот в повозку. Обоз двинулся дальше. Было видно, что ездового нещадно болтало от края к краю повозки. Госпиталя поблизости не было. Все медики были в далеко отставшем хвосте колонн. Мы же шли по своей территории, по родной земле и ничего, вроде, беды не предвещало. Смог ли пережить ездовой Лопырев в дальнейшем эту дорожную трясучку, мне было неизвестно.

Мимо нас с трудом волоча ноги, в полной боевой выкладке и трехлинейкой с примкнутым штыком в руках то ли бежал, то ли кое-как убыстрялся боец из роты связи, часть которой шла впереди колонн с командирами. Видимо выпнули его по состоянию здоровья из санчасти. Якобы, выздоровел. Вот и догонял своих, страдалец. Если отстанет, иначе могли «пришить» дезертирство и расстрелять. Глядя на него, я засомневался, что он в состоянии не то что добежать, а добрести или доползти до своей роты.

Для безопасности продвижения дивизии, в порядке очерёдности вперёд за несколько километров выдвигалась стрелковая рота и занимала на рокадном направлении движения дивизии стратегический плацдарм. Это нужно было делать обязательно, потому что фрицы могли выставить на пути нашего следования засаду.

Для прикрытия арьергарда вперёд выдвигалась миномётный взвод. В конце-концов наступила и наша очередь занимать передовые контрольные точки, указанные штабным начальством. Так как мы двигались из тыла, поэтому гужевым транспортом были обеспечены, пока, хорошо. Быстро добрались по намеченным координатам и стали осваивать на лесной лужайке строго отведённую позицию. Как обычно, лошадей отвели в лес, а сами миномёты установили по опушке. Получалось, что по просеке удавалось просматривать чуть ли не километр дороги.

Всё бы ничего, но вдруг, издали стала слышна приглушённая лесом трескотня мотоциклов. Минут через пять стал явственно прослушиваться утробный низкий звук немецких БМВшных мотоциклетов.

Вдруг, на поляну со всей дурной скоростью вылетело три мотоцикла. В каждом из них находились немцы. Они громко хохотали, жестикулировали руками, а некоторые, даже, подвывали знаменитый немецкий марш Хорста Весселя.

Я сразу понял, что фашисты были пьяные.

По взмаху руки, наша засада ударила из глухого подосинника прицельно залпом. Первые же мины легли точно и накрыли цели. Водители-мотоциклисты вывалились из своих сёдел, пехота из колясок. Один мотоцикл перевернулся. Последний въехал в коляску другого. Как горох, немцы попадали в густое лесное разнотравье.

Бойцы, без всякой команды открыли огонь из своих трёхлинейек на поражение. Через пару минут всё было кончено.

Но двое фрицев, подняв руки, тряслись возле разваленной ели. Ни слова не говоря, в их направлении двинулся Витька Сорокин, подносчик мин. Рядовой из Смоленска. Ходом, не доходя до противника, он одел на ствол своей мосинки штык.

Не сбавляя темпа шага, как на учениях, он сблизился и воткнул пику клинка в грудь впереди стоящего фашиста. Второй упал на колени и завыл о пощаде.

Упёршись своим керзачём в грудь нанизанного фашиста Витька стряхнул обвисшее тело убитого немца и со всего маху воткнул освободившийся штык в шею стоящего на коленях фрица.

Мы онемели от происходящего.

Но никто не шелохнулся с места. Все знали о Витькиной трагедии, случившейся с его семьёй в оккупации. Поэтому и не мешали. А Витёк просто мстил беспощадному врагу за своих убиенных родственников-отца и мать, сестрёнку.

После этой стычки я подробным образом составил рапорт, не забыв упомянуть, что гитлеровцы предприняли попытку сбежать в лес, вследствие чего были заколоты штыками. А красноармейца Сорокина, предложил наградить медалью «За отвагу».

Через полчаса рапорт был сдан в штаб батальона, а у меня до самой ночи мелкой дрожью тряслись руки. Только я своим бойцам не показывал вида, чтобы те не признали своего взводного трусом.

Каждый батальон сопровождала походная кухня на колёсах и о двух котлах. По пути она нещадно дымила и распространяла вкусные запахи.

Мародёрством солдаты под страхом расстрела на марше не занимались.

В проплывающих мимо нас деревнях зампотылу как-то умудрялся договариваться с председателями колхозов и старостами. В ту нелёгкую годину уже и такие появлялись, деревенским хозяйством-то всё равно надо было руководить при любой власти. Мы получали картошку, капусту, печёный хлеб, а иногда и мясо.

За продукты интенданты рассчитывались деньгами, полученными в полевой кассе. Ведь она в своих сейфах перевозила очень большие тыщи советских рубликов, солдатских денежек. Никто из деревенских в оккупацию не собирался, фрицев не ждал и советские дензнаки местный люд принимал с большим удовольствием.

К моему великому сожалению, на войне я потерял много друзей, знакомых, просто хороших людей. Но, горечь потерь никогда не оставляла равнодушным. Пожалуй, в судьбе каждого из нас война оставила глубокий трагический след.

До слёз обидно было осознавать, что фронтовые друзья погибали и в глубоком тылу, а не на передовой.

Случалось, что боевые товарищи умирали под бомбёжками, под колёсами и гусеницами своей же техники. Или будучи «приговорёнными» командирами-самодурами и по несчастному случаю или от случайного, неосторожного выстрела от напарника при чистке оружия. Война всё спишет.

...К тому времени «передок» покидала основательно потрёпанная в боях 23 стрелковая дивизия. Таким образом, наша 166 стрелковая дивизия заняла ею оставленные позиции. За нами был закреплён рубеж в районе деревень Молвотицы, Бель-1, Бель-2, Кулотино, Куше-лево, Копылово, Городково.

На этом плацдарме и выкашивалось впоследствии в безрезультатных, кровавых и бесполезных атаках уже второе формирование вновь возрождённой 166 стрелковой дивизии. С одной стороны бойцы Родину защищали, а по-житейски не повезло им. Ох, как не повезло с местом дислокации. Угодили в ад крошечный.

С 4 по 11 февраля 1943 года дивизия входила в 1 ударную (!) армию этого же фронта.

А с 11 февраля в составе 53 и 68 армий она участвовала в Демянской наступательной операции.

Первой из войск 53 армии она с жестокими боями прорвала оборону сильнейшего укрепрайона противника и вынудила его к отходу от реки Ловать.

Наша героическая 166 стрелковая дивизия продвинулась вперёд на 15—20 километров и заняла населённые пункты Берёзки, Бычиху, Залучье, Гордево, Куки и вышла к Рамушевскому коридору.

Это было нечто!

Немцы были выбиты с насиженных позиций, которые они считали неприступными. Рубеж реки Ловать, Рамушевский котёл для них были судьбоносными. Уступив позиции гитлеровцы практически открыли дорогу к освобождению Старой Руссы, от которой открывалась прямая дорога к деблокаде Ленинграда.

С 9 марта наша дивизия храбро сражалась и перешла в наступление на рубеже Липино и Селяха в районе Старой Руссы вдоль реки Ловать.

Но полки её были совершенно обескровлены, а личный состав почти полностью выбит. Воевать было уже совершенно нечем и нечем.

Поэтому 3 апреля 1943 года дивизия была выведена в резерв фронта.

Затем в районе Пенно вошла в состав 27-й армии резерва Ставки ВГК (Верховного Главнокомандования).

В этих беспощадных боях я был тяжело ранен и был отправлен в госпиталь, а сама дивизия после боёв под Демянском в дальнейшем убыла под Курск.

Далее она наматывала фронтовые километры на Харьков.

Следующим этапом перебралась в Прибалтику и закончила войну в Вильнюсе.

А лично для меня после ранения случилась совсем другая история. Но об этом расскажу в другом повествовании.

Из рассказов моего отца.

166 стрелковая дивизия, 517 стрелковый полк, 2 миномётная рота.

Командир 3 миномётного взвода, лейтенант Иван Петрович Щербаков (1923 г.р.)

Безучастный пофигизм и вольфрамовый холодок

Перед началом войны в РККА имелось более 25 000 танков. Для понимания консолидированной цифры и, чтобы вы не впали в ступор, поясню, что это всё равно больше, чем во всех армиях мира вместе взятых.

В невероятно сказочное число входили старые танкетки Т-27, которые представляли собой раритетные образцы для учебного боя. Для реального боестолкновения, они не годились. Тем не менее, именно они в первую очередь и были сожжены, раскурочены в первые же дни войны. Лёгкие танки Т-26, Т-28, БТ разных серий выпуска тоже можно было легко поджечь из немецкой противотанковой пушки 37 мм. Этих пушек в передовых частях противника было, как грязи. Поэтому, повальное количество наших танков были уничтожены противником в первые же месяцы войны.

Сложнее агрессору было с лучшими танками того времени: БТ новых модификаций, БТ-5, новенькими Т-34, КВ-1.

Однако, согласно официальным данным в ходе оборонительной операции в Прибалтике с 22 июня по 9 июля 1941 года было потеряно 2 523 танка, в ходе оборонительной операции в Белоруссии за тот же период было уничтожено 4 799 танков. Всего, таким образом, за первые 2—2,5 недели войны оказались потерянными безвозвратно 11 703 боевых машины (официально).

По всему получается, что катастрофа первого периода войны произошла никак не из-за плохой броневой защиты передовых рубежей СССР. Всему виной был всеобъемлющий беспорядок, хаос, отсутствие по настоящему умных и грамотных командиров для организации противостояния. Вследствие колоссальных ошибок Жуковского Генштаба РККА было потеряно колоссальное количество танков.

Главной и основной причиной поражения в начальный период войны было отставание Красной армии в мобилизации и развёртывании на первой линии обороны. Специалисты сходятся во мнении, что именно эта причина послужила провальному началу войны.

90% армии того времени составляла пехота. Остальные рода войск должны были составить гармоничное дополнение к единому целому РККА. Однако, упреждение в мобилизации и развёртывании войск откровенно желало лучшего.

Красная армия располагалась в трёх разорванных между собою оборонительных рубежах.

Первый эшелон-пограничные и приграничные войска.

Второй-глубинные военные округа.

Третьей реальной силой рассматривалась поддержка, которая ещё не прибыла на передовые рубежи, но подтягивалась из западной Сибири, из-за Забайкалья и Северо-Кавказского военного округа.

Между эшелонами существовал в лучшем случае территориальный разрыв от 100 до 300 километров.

Таким образом, Генштаб под руководством Жукова в первые дни войны не смог организовать высокоэффективную оборону.

Резервный, глубинный рубеж воспринимал войну на передовых рубежах, как нечто далёкое. Нереальное. Канонада и всё. А может быть, это небеса грохотали, Зевс со своей грозой да сверкающими молниями распоясался? А что до помощи то, как её было оказать за столько вёрст разрыва.

Не эта ли причина стояла у тотального разгрома Красной армии в начальный период войны? Почему первая линия обороны, сдерживая героическими усилиями натиск Вермахта, оказалась без подкреплений? Не предательство ли в Генштабе РККА имело место быть? Для

понимания сложившейся ситуации в тот момент и эту версию рассмотрим в следующей главе нашего повествования.

Военная разведка противника прекрасно подготовилась и нашпиговала необходимой информацией свои передовые части. Поэтому противник наши округа бил и громил поочередно. Потому, как у них были фантастически сильные первые эшелоны и крайне слабые последующие.

Внимание!

На втором рубеже атак у наступающего противника войск было на Западном и Прибалтийском направлениях в 3 раза меньше.

На Центральном и Северном в 7 раз.

На Южном в 6 раз и так далее.

Эх, если бы Жуков у Луцка, Дубно и Ровно одержал свою победу, а Тимошенко у Сенно и Лепеля отличился со своей викторией? По всему получается, что уже в августе генералы Красной армии могли накрывать столы для того, чтобы отпраздновать победу в поверженном Берлине. Но не случилось.

Или не дали осуществиться великому русскому блицкригу?

Что, Суворова в наших рядах не было или предатель в Жуковском генштабе помешал?

Ведь именно начальник военной разведки Третьего рейха адмирал Канарис рекомендовал Гитлеру поставить своего высокопоставленного агента управляющим оказавшихся в оккупации русских земель. Русским новоявленным царём.

Ну да ладно. Что там о высоких материях. Поговорим о проблемах, существовавших на поле боя.

Для подавления и уничтожения советских танков, имеющих на театре военных действий колоссальное преимущество у противника имелись скорострельные противотанковые пушки 37 мм.

На пехотную дивизию Вермахта их полагалось целых 74 штуки.

Именно эти «дверные молотки» располагали на передовом рубеже, для встречи с русской броневой силой. Удивительно сейчас, но именно эти пушечки составляли главную оборонительную силу оккупантов при наступлении танков Красной армии.

Не верится, но подбить они могли, практически любой советский танк. Надо было просто правильно выбрать место на броне для наиболее эффективного поражения.

Небольшие бронебойные подкалиберные снарядики диаметром 37 и длиной 90 мм имели в своём чреве небольшое количество взрывчатки. Когда они с лёгкостью пробивали броню, само-собой получалось, что следовал взрыв, от которого внутри танка начинался пожар, следовала детонация боекомплекта. При таком раскладе экипажу, как уж, повезёт в живых остаться.

Для сравнения скажу, что наше советская противотанковая пушка 45 мм была сделана по образцу немецкой, только у неё был увеличен калибр. Проблема заключалась в том, что на вооружении отсутствовал сверхпробивной противотанковый боезаряд с вольфрамовым сердечником.

В результате, в противотанковых боестолкновениях она не сыграла во время войны достаточно серьёзной роли. Хотя перед войной их насчитывалось в РККА до 14 000 штук. И не смотря на такое громадное количество, они полностью отсутствовали в механизированных соединениях.

Наша оборона не нашла достойного противоядия в отношении убийц советской брони «дверных молотков». Так и промучились всю войну с проблемой, сжигая пачками на поле боя бронированные монстры.

Предполагалось, что пушки 37 мм необходимо было уничтожать артиллерией. Всё бы хорошо и, казалось бы, командирами принято правильное решение. Но вы же знаете русское авось, небось и, как повезёт.

Вот и получалось, что лошадей в упряжи поубивало от налёта «Юнкеров», либо не было тягачей, либо они были, но до смешного мало. Но, это ещё что! Когда пушки оказывались на огневой позиции, вдруг, выяснялось, что на каждый ствол имелось всего по 3—5 снарядов. И что прикажите делать в такой ситуации, ведь приказа никто не отменял?

Вот и получалось, что свора советских танков поочерёдно и безуспешно контратаковала позиции агрессора. Раз за разом шли в атаку обречённые броневые чудовища Красной армии.

Но это только на первый взгляд они были страшными. Для немцев они были потенциальными бензиновыми зажигалками. Поджигай, «не хоч» сколько сможешь.

Исторический факт, что одна немецкая пушка могла «приголубить» в течение одного боя 10-15-25-30 танков РККА.

Многие говорят, что это не касалось новейших и неуязвимых Т-34 и КВ 1941 года. Однако, скажу вам, что это скорее всего миф, чем правда.

Немцы основательно подготовились к своему «блицкригу». В их распоряжении имелось супероружие или «Вундерваффе» на их изъяснении.

Это были, в том числе, подкалиберные снаряды.

Снаружи у них был обтекатель из твёрдой пластмассы, по другому небольшой баллистический наконечник. Внутри металлического корпуса-поддона катушечной формы находился бронестойкий вольфрамовый наконечник «хардкёрн» (вольфрам имелся в изобилии из Африки и Португалии), а в хвостовой части располагался небольшой трассер.

Попадая в броню, катушечный корпус сминался, а снарядик своим относительно небольшим твёрдосплавным сердечником с лёгкостью пробивал броню.

Эффект получался, как у разрывной пули стрелкового оружия, где как известно, что входное отверстие в голове человека 7,62 мм, а выходное 80 мм. И здесь было тоже нечто подобное.

Входное отверстие в броню наблюдалось 37 мм, а на выходе все 150 мм с тучей раскалённых осколков и шныряющей в замкнутом пространстве раскалённой болванкой.

После колоссальной силы обжатия она сама разваливалась на расплавленные брызги.

Поджигалось всё, что было горючим внутри танка.

В первую очередь, это путепроводы гидравлики, горючее двигателя, боекомплект.

Внутри танка полыхала доменная печь.

Выгорало всё.

А под конец от взрыва ещё следовал фейерверк с отрывом башни от основного корпуса. Эти моменты вы могли воочию наблюдать на архивных фотоснимках.

Со снарядом от другой немецкой противотанковой пушки 50 мм PzGr40 происходило то же самое.

В войска Вермахта была отправлена инструкция с техническими характеристиками поражающей силы «дверного молотка», относительно брони противостоящего танка и расстояния до него.

На схемах убедительно показывалось, что пушка 50 мм ПАК-38 была даже гораздо эффективнее зенитного орудия 88 мм, которое позднее было установлено на супертанке Т-6, «Тигр».

В телеграмме Группе армий «Центр» от 24 июня 1941 года штаб ГА (Группа армий) «Север» сообщал: «Тяжёлый русский танк КВ пробивается снарядом противотанковой пушки калибра 5 см. Уязвимое место под стволом орудия».

Имелось ввиду то, что броня, танка, защищавшая противооткатное устройство пушки была крайне слаба.

Для того, чтобы определить наиболее уязвимое место немцам потребовалось всего лишь 3 дня с начала войны.

В телеграмме инспектората подвижных войск (Schnelle Truppen) от 30 июня 1941 года говорилось о борьбе с «50-тонными русскими танками» (КВ-1).

«50 мм ПАК-38 способна поразить тяжёлый танк КВ с 400 м, 50 мм танковая пушка КWK/L42 „окурок“ с 200 м, 47 мм чешская пушка с 200 м, 88 мм зенитка с 1000 м».

Теперь о Т-34.

Одно из самых слабых мест этой новинки советского танкопрома было расположено, как это ни странно, на самом видном и неприлично переднем месте. На наклонном лобовом листе.

Эта укосина была хороша только для того, чтобы снаряд мог срикошетить. Однако, именно в нём располагался эвакуационный люк. Он вминался в голову механика водителя от попадания даже 37 мм снаряда. Что уж тут говорить о более мощных калибрах.

После начала боевых действий конструкторы эту проблему быстро заметили и попытались устранить, либо до крайности её нивелировать.

Тем не менее, эта проблема у Т-34 просуществовала до конца его жизни массового производства.

Ещё хуже, обстояло дело, когда снаряд от рикошета по лобовому листу попадал в основание башни. Её без вариантов заклинивало.

Ко всему прочему вся боковая броня легко пробивалась, баки загорались, траки с ленивцами лопались. Экземпляр массового производства априори не мог быть гарантировано безопасным танком. И на этом скажите спасибо, что к началу войны подготовили боевую машину.

Стоит заметить, что абсолютно все танки осваивались в частях с трудом и большим скрипом. Подготовка кадров не успевала за поставкой военной техники в войска. Но всё равно, обученные до войны люди в профессиональном отношении были куда более подготовлены, нежели «пушечное мясо» середины войны.

Упомянем здесь эпизоды танковых сражений Красной армии в 1941 году, которые вошли в учебники мировой истории.

Прибалтика: Алитус, Расейняй, Остров.

Белоруссия: Гродно, Зельвянка, Сенно-Лепель.

Украина: Радзехов, Войница (Александровка), Львовский выступ, Дубно-Броды-Луцк, Бердичев, Умань.

В Прибалтике самые жестокие бои с применением танков случились у Рассейня. Здесь, против одной советской танковой дивизии, оснащённой тяжёлыми танками КВ-1 и КВ-2 в количестве 50 единиц, принимали участие 1 и 6 танковые, а так же пехотная дивизия немцев.

Почему-то случилось так, что преимущество врага по технике было 4-х кратным. И куда смотрел перед войной Генштаб РККА?

По всему выходило, что где-то от танков был сверх переизбыток, а где-то, как бы специально оставлены бреши в передовой линии для удачного наступления противника.

Впоследствии, именно с этого направления возникнет главная угроза Ленинграду. Опять же, что это было, предательство из Генштаба?

На Белоруссию обрушился главный стратегический удар немцев. 4-я полевая армия насчитывала более 400 000 человек.

Если эту количественную составляющую нападающего противника сравнивать с чем-либо, то она превосходила весь Западный особый военный округ. Плюс вся группировка противника была разбита на несколько эшелонов, чего в советских войсках отродясь не бывало.

Против сверхграмотного построения фашистов наши захваленные перед войной командиры противоядия так и не смогли найти.

А дальше случилось совершенно для нас неожиданное, чудовищное по своей драматичности головотяпство. Нами же самими была создана рукотворная катастрофа. Апокалипсис.

До неприличия просто сходящимися ударами противник окружил части Западного округа в 2-х мощных котлах: Белостокском и Новогрудском. Сюда же попали ещё части армии оборонявшей Минск.

Таким образом, основная масса войск Красной армии здесь и была уничтожена.

А случилось это потому, что руководством Западного округа было принято ошибочное решение штурмовать Гродно.

У меня естественно возникает вопрос, что не Павлов всему виною. Чёткий, ясный и безапелляционный приказ он получил из Москвы, из Генштаба РККА. Но почему-то именно его и его штаб расстреляли под скорую руку. Чтобы не болтал лишнего и чтобы замести следы?

Но именно сюда, под Гродно 24—25 июня бросили на штурмовку конно-механизированную группировку Болдина совместно с 6-м механизированным корпусом.

Это было ошибочное и бездарное решение. Преступное по своей сути. Предательское. Потому как априори, это было второстепенное, не судьбоносное направление.

Красными командирами была совершена очевидная роковая ошибка. Гигантской силы раздолбайство. В это время Вермахт прилагал все усилия для осуществления своего «блицкрига» в направлении Минска.

Сам собою напрашивается вопрос: «Что ж вы наделали, товарищи командиры? Мы вам доверили Родину защищать, а вы даже разведку толковую не сумели организовать? Это же ваша родная земля, где вы обязаны были знать каждый кустик, каждую лошину, каждый ручей».

Как я уже говорил, что жертвенники были известны заранее. Впоследствии всё руководство Западным округом, включая генерала Павлова, были расстреляны.

Однако, 28—30 июня части Красной армии сделали попытку вырваться из котла под Гродно у городка Зельва, через речку Зельвянку.

Из Москвы от начальника Генштаба РККА Жукова поступил приказ и Павлов отправил оставшуюся танковую группу на помощь Минску (?).

Из донесения немецкого штаба Группы армий «Центр»: «Использование 55-тонных танков КВ и продвижение их друг за другом в 8—10 рядов показывает, что противник через Слоним намерен выйти из окружения по наилучшим дорогам в направлении на юго-восток».

Вы можете представить себе, пусть даже в кошмарном сне группировку танков по 10 единиц в ряд, по 50 тонн каждый?

Это что, от безысходности, глупости, тупости командиров?

Или командиры заранее определили смертников?

Что это было и с какой целью сделано, для чего?

Танк не кавалерия, чтобы галопом по 10 жеребцов в ряд скакать по пересечённой местности.

Результат был очевиден и закономерен.

Прорыв, броневая атака была без шансов.

В действительности же получилось так, что и другая часть отступающих передвигалась по лесам, вдоль путепроводов.

Большое, основное количество танков израсходовала запасы горючего и, не имея подкрепления мёртвыми памятниками замерла по обочинам дорог.

В небольшой городишко Слоним, что в нескольких десятках километров от Зельвы, ворвались только 3 советских танка (!).

Правда, и они учудили. Не смогли стать в одиночестве героями. Тяжёлый КВ-1 застрял при форсировании через речку, а 2 боевых Т-34 были легко уничтожены фашистами вместе с танкистами прямо на улицах населённого пункта.

В свою очередь, Гудериан развернул 2 дивизии на сдерживание прорывающихся из окружения частей. В результате, вся лавина обречённых советских танков была уничтожена.

Спасшаяся часть людей ушла через Припятские леса к удаляющейся линии фронта.

Кто-то смог спастись и вышел из окружения живым, но это были единицы.

Кого-то пленили, это была большая часть личного состава.

А кого-то закопали в лесах белорусской пуши.

Единственное добавлю, что противник ни на секунду не сбавлял темпа хода частей Вермахта в основном направлении, на Минск. В этих боях принимали участие только специально выделенные подразделения для отвлекающего боестолкновения.

Такой общевойсковой манёвр, на ходу выдумать и осуществить просто невозможно. Нереально.

По всему выходит, что приказ Павлову толкнуть группировку на Гродно был умышленным. Косвенно, это подтверждается тем, что немцы были готовы к такому развитию событий. У них никаких колебаний по этому поводу не было. Вермахт и Абвер (военная разведка) поработали на славу. И здесь надо отдать им должное. Гитлер вчистую переиграл Сталина. Или агент Абвера из Генштаба РККА помог?

Ещё большая трагедия постигла Красную армию при организации контрудара в районе Сенно-Лепель.

На тот момент командовал войсками Западного фронта накануне направленный на передовую бывший нарком обороны Тимошенко.

Суть операции заключалась в том, чтобы силами 5-го и 7-го мехкорпусов необходимо было ударить в тыл наступавших на Витебск немцев и заставить их остановиться.

Однако, опять произошло обратное и нечто странное. Немцы сдержали вялый удар РККА и сами зашли в тыл советской группировке, при этом окружив её полностью.

В июле при попытке выйти из окружения был пленён командир гаубичной батареи 7-го механизированного корпуса Яков Джугашвили. Старший сын вождя всех народов Сталина. Впоследствии Иосиф Виссарионович откажется выменять его на немецкого генерала и судьба Якова в дальнейшем будет неизвестна.

На Украине всё вершилось немного иначе.

Здесь немцы не обладали количественным и качественным превосходством. У них была одна танковая группа против огромного количества бронетехники Красной армии, в том числе новейших танков Т-34 и КВ.

Против танков Клейста имевшего 800 танков было брошено почти 4000 машин. Однако у немцев на передовой сложилось численное превосходство.

На переднем рубеже атаки немцы расположили более 150 000 человек, а в резервах находилось, только представьте себе, в 6—7 раз меньше. Это примерно 20—25 000 человек или 1,5 дивизии!

Фактически, противник наступал в одну линию и, по всему, получается, взял наших оборонцев, как говорят в народе «на понта». Или немцы знали заранее о нашем отступлении?

Первый танковый бой случился здесь 22 июня у небольшого городка Радзехов.

Сюда для разведки выдвинулись передовые части 2-х советских мехкорпусов. В свою очередь им навстречу двигалась часть группировки 11-й немецкой танковой дивизии. Другая, не отвлекаясь от поставленной задачи, продолжила крестовый поход для завоевания новых территорий Советского Союза.

Из немецкого донесения: «Танковое сражение у Радзехова в общем завершилось к 12.30. Противник достоверно потерял 33 из 50—60 своих танков, в том числе сверхтяжёлых. Собственные потери значительны: 7 танков потеряны безвозвратно, убиты 3 офицера и 10 нижних чинов, ранено 50 нижних чинов (в том числе в подразделениях, подчинённых танковому полку). Погиб командир 5-й зенитной батареи «Генерал Геринг».

Что здесь случилось? Как всегда, для борьбы с танками немцы кроме своих противотанковых пушек широко использовали свои 88 мм зенитные установки.

Особенностью боя было то, что противником, как никогда, хорошо использовался рельеф местности. Когда атаковавшие советские танки переваливали холм и обзор их видимости у подножия резко сокращался, в дело вступали расположенные у основания горы зенитки и танки Т-3. В этом случае, вариантов на спасение не было. Отсюда такая пропорция жертвенности. Опять и, как всегда, были виноваты командиры?

Следующее танковое боестолкновение случилось 24 июня под Войницей, Александровкой.

Здесь «поле смерти» сплошь было усеяно подбитыми советскими танками Т-26. По словам штабистов 14-й немецкой танковой дивизии потери красных составили: «158 танков, 40 противотанковых пушек, 8 артиллерийских батарей».

Трагично закончилась судьба батальона радиоуправляемых «телетанков» Т-26, которые входили в состав 19-го мехкорпуса. Они управлялись по радио и были без экипажей. Впоследствии, большая часть из них, сгорела.

В дальнейшем немцы рассредоточились и щёлкали советские танки, как орехи. Известен случай, когда только за один бой было потеряно 9 тяжелых, сверхновых КВ-1 15-го мехкорпуса, которые выдвигались против 297 и 9 панцердивизий.

Лёгкие танки здесь, тем более, не имели никаких шансов на перспективу. Под Лопатиным почти 200 машин выдвигались одновременно и, как всегда, безуспешно.

А дальше, больше и хуже. Вот что говорят об этом ветераны. На то время член Военного совета 8-го мехкорпуса Николай Кириллович Поппель (впоследствии член ВС 1-й гвардейской танковой армии, которая штурмовала Берлин), Архипов.

26 июня в географически небольшом районе, треугольнике ограниченном населёнными пунктами Броды-Дубно-Луцк войска Красной армии попытались силами 8 (через Броды), 19 (через Дубно) мехкорпусов худо-бедно ударить во фланги наступающему противнику.

В районе Берестечко у нас даже существовал шанс захватить в плен всё фашистское руководство 57-й панцердивизии.

Но, не случилось.

В результате немцы удержали это наступление и в соответствии со своей тактикой не задерживались в своём продвижении вглубь советской территории ни на секунду. Одни части Вермахта сдерживали удар, а другая армада спокойненько вгрызалась в глубины исконно русской земли.

На следующий день 27 июня случилась абсурдная и вообще-то криминальная история.

Генерал Пуркаев дал правильный приказ 8-му мехкорпусу отойти от Берестечко на Броды и перегруппироваться.

Однако, прибывший на место сражения начальник Генштаба РККА Георгий Константинович Жуков отменил этот приказ и двинул 8-й мехкорпус по чистой и свободной от основных сил неприятеля панцеррокаде на Дубно. Аккурат между 57-й и 16-й немецкими панцердивизиями.

И что вы думаете? Не встречая на своём пути никакого сопротивления части Красной армии лихо, вплотную подошли к Дубно. Но войти в город им помешали (предупреждённые?) подготовленные части Вермахта в составе 111-й панцердивизии.

А за спиной беспрепятственно наступающих воинов захлопнулась мышеловка. Мехкорпус в полном составе под Дубно и под Сасово был окружён.

Два котла сопротивления сражались отважно. Но силы были неравны, а предательство было очевидным и достигло своей роковой цели. Все части были разбиты, личный состав пленён. Остатки разбежались и почти месяц по лесам пробирались до линии фронта.

Опять предательство Жуковского Генштаба?

Язув Стары «Много раз возникала ситуация, когда экипаж советского танка не видел удачно установленное на позиции орудие, вплоть до дистанции 10 метров»

Немцы отмечали на львовском направлении умелые и храбрые действия 4-го механизированного корпуса генерала Андрея Андреевича Власова: «На угрожаемых участках противник немедленно ставит заплатки небольшими моторизованными группами».

В журнале боевых действий 17-й армии констатировалось: «Командование противника, судя по принимаемым мерам, вполне адекватно ситуации». Однако сражавшиеся без поддержки пехоты советские танки были изначально обречены. И не важно, в какой город на встречном ударе врывались танки РККА: Могиров, Немиров, Жовкву.

Документы позволяют сделать выводы, что танки либо погибали в бою, либо были оставленными вследствие технической неисправности и не имели возможности быть восстановленными в мастерских, либо попросту были брошенными без горючего на дорогах.

Танкисты умудрялись даже доставлять их до железнодорожных платформ. Но впоследствии они всё равно были брошены на железных дорогах вследствие хаоса, либо были разбомблены «Юнкерсами».

Если сравнивать наши потери в танках в 1941 году в пропорциональном отношении с противником в 1943 году, у немцев было почти то-же самое.

Смотрите сами. После провала немецкой операции «Цитадель» и, как раз перед советским наступлением на Курской дуге состояние сверхновых «Пантер» на 20 июля 1943 года оценивалось следующим образом.

Здесь только 25% от численного состава боевых машин оставались на ходу и были боееспособны. 25% было потеряно безвозвратно. А 50% находилось в ремонте. Эти сверхсовременные танки немцы так и не успели восстановить. В результате брошенными, либо умышленно взорванными оказалось 75 САУ (самоходная артиллерийская установка), «Пантер». А это, как ни крути почти 2 панцердивизии.

Если проводить аналогии и производить какие-либо расчёты, то приходится делать вывод, что все поражения у любого противника в сравнении выглядят абсолютно одинаково.

Гудериан в докладе фюреру 27 марта 1944 года писал: «Под Уманью, около 300 танков попало в руки противника. Группа армий „Юг“ со всей ответственностью докладывает: ремонт оставшихся в Умани повреждённых танков был абсолютно невозможен вследствие недостатка запасных частей». При отступлении на станции Потаж были брошены на платформах танки Т-6 «Тигр» в количестве 21 единицы.

Со своей стороны только замечу, что ситуация на фронте стала сравнительно равной только к середине войны. Это как раз к тому моменту, когда перестали действовать подарочные бонусы Генштаба РККА первого периода войны. Или у вас иное мнение? Ну-ну...

Помимо основных факторов, влиявших на успехи одних и неудачи других, были так же второстепенные. Тем не менее они так же оказывали воздействие на ход боевых действий, усугубляя и без того тяжёлую ситуацию.

Проблема заключалась в том, что в Красной армии не было тракторов и тягачей, которые могли бы по скорости соперничать с танками. И это было ой, как остро необходимо. Противотанковые пушки были, чуть ли не основной составляющей противотанкового боя в начале войны. А, как и чем их было перемещать?

Вот что докладывал на совещании в декабре 1940 года командир 4-го мехкорпуса М. И. Потапов: «Наша артиллерия, которая входит в состав механизированного корпуса, имеет такой трактор-СТЗ-5, который не успевает в своём продвижении за танковыми частями, поэтому требуемого взаимодействия мы не получаем. Этот трактор необходимо снять с вооружения механизированного корпуса и заменить его более мощным и вездеходным». Поясню читателям, что всю войну «головастик» СТЗ-5 был всегда мечтой командира стрелкового соединения и головная боль танковых командиров.

В свою очередь немцы, ещё с 30-х годов производили мощные и маневренные полугусеничные тягачи. Командир 11-й танковой дивизии генерал Крювель оценил их, как «ценней-

шие». Они могли легко прихватить на буксир тяжёлую 150 мм гаубицу SdKfz8, да ещё весь артиллерийский расчёт с обслугой до 12 человек и двигаться вслед за своими танками. Они же виртуозно с разворота устанавливали на позицию любое орудие, которое было готово немедленно вступить в бой.

Если подводить итоги сказанному, то отчётливо высвечиваются причины поражения летом 1941 года.

Первое, это отсутствие упреждения в мобилизации и развёртывания войск.

Второе, это отсутствие полноценных и манёвренных мехсоединений.

Третье, это существовавшие проблемы с выучкой войск и подготовкой новых и новых кадров так необходимых для фронта, нехватка командирского состава и подавляющее отсутствие инициативы на местах.

Четвёртое, а, может быть, и определяющее: отсутствие непроблемной техники. Танки Т-34 и КВ были далеко не лучшего качества. Будучи ещё «сырыми» они сходу попали в бой и в нечеловеческие условия эксплуатации.

Пятое, и наиболее обескураживающее. Возможное наличие предательства в Жуковском Генштабе РККА (документы засекречены даже спустя 76 (!) лет).

Фактически, танки стали живым щитом пехоты. Как следствие действия железного щита Красной армии является тот факт, что страна смогла выдержать в мясорубке войны и выиграть.

Коммунистический переполох

16 октября 1941 года.

Сейчас модно снимать фильмы-катастрофы. Предугадывать, что было бы при ядерном ударе? А вот при химическом нападении было бы так. При наводнении, эдак. При морозах за минус семьдесят, при жаре за плюс пятьдесят. Но мало, кто поднимает память о недавней нашей истории. Слуха одного, иногда, хватает, чтобы посеять панику. И тогда...

Всем известно, что вождь работал допоздна и просыпался ближе к обеду. Но 15 октября 1941 года необычно рано собрались все члены Политбюро. В 9 утра партийные бонзы уже толпились в кабинете Сталина. Как всегда, в неподражаемой манере тот заявил, что брешь в 500 километров, которая образовалась в обороне Москвы, закрыть войсками Красной Армии не получится. Попросту нет резервов, а потому в любой день противник может ворваться в город. Никто не возражал, что 15 вечером необходимо будет немедленно эвакуироваться. В воздухе повисла гнетущая тишина. Великая империя Советов полностью зависела от действий своего главнокомандующего, который уведомил о своём исходе из столицы утром 16 октября. Действующие лица, не стесняясь быть уличёнными в упаднических настроениях, поспешили исполнить указание вождя. В результате панические вести распространились мгновенно. Началась непредсказуемая, страшная и беспорядочная вакханалия. Напуганные жители в беспорядке и замешательстве побежали из города.

Хаос, переполох и смятение в Москве началась 16 октября 1941 года, когда фашисты прорвали фронт на Можайском направлении. Паника.

Первыми бросились бежать из Москвы партийные функционеры, руководители предприятий, директора заводов. Они обладали определённым ресурсом для эвакуации, поэтому использовали его на полную катушку. Кузова выделенных автомобилей домочадцы набивали своим барахлом под завязку. Пихали туда всё. Диваны, торшеры, баулы с тряпками, ковры, никелированные кровати, чемоданы всех мастей.

Драпали поголовно все и целыми семьями. Не забывали прихватить с собой собачек, кошечек и, даже, аквариумы.

Сопровождало всё это барахло жирное мясо хозяев.

Все и вдруг осознали, что трон под большевиками закачался основательно. Враг был у ворот, а защищать от варвара «краснопузых комуниак» у людей в белокаменной желания не было.

Когда по радио передали, что неприятель прорвал линию нашей обороны, а страна и правительство находятся в смертельной опасности, начался невообразимый массовый исход из города. Люди целыми коллективами шли пешком в Горький. Кто куда, уезжали в деревни. При этом, не забывали прихватить казённое имущество. А чиновники покруче и повыше драпало тайком и по ночам.

Начальство действовало по принципу «спасайся, кто может». Очень многие партфункционеры, целиком и полностью загрузив служебные машины до отказа, пробивались через контрольные пункты или объезжали их и устремлялись на Рязанское и Егорьевское шоссе. По Рязанскому шоссе с узлами, баулами да чемоданами шли толпы людей. Оно меньше всего обстреливалось. Впрочем, какая была разница? Разбегались по всем направлениям, лишь бы подальше от города. Людей охватило стремление любой ценой, но спасти свою шкуру.

Весь народ ощутил на подкорке трусость, растерянность и предательство. Было опозорено шоссе Энтузиастов, по которому неслись на восток автомобили бывших и на словах задекларированных партийных «энтузиастов». Лев Ларский: «Я стоял у шоссе, которое когда-то называлось Владимирским трактом. По знаменитой Владимирке при царизме гоняли в Сибирь

на каторгу революционеров-это мы проходили по истории. Теперь революционеры-большевики сами по нему бежали на восток-из Москвы. В потоках машин, несшимся от Заставы Ильича, я видел заграничные лимузины с „кремлёвскими“ сигнальными рожками-это удирало Большое Партийное начальство! По машинам я сразу определял, какое начальство драпает: самое высокое-в заграничных, пониже-в наших „эмках“, более мелкое-в старых „газиках“, самое мелкое-в автобусах, в машинах „Скорая помощь“, „Мясо“, „Хлеб“, „Московские котлеты“, НКВДшных „чёрных воронах“, в грузовиках, в пожарных машинах... А простые рядовые партийцы бежали пешком по тротуарам, обочинам и трамвайным путям, таща чемоданы, узлы, авоськи и увлекая личным примером беспартийных... В потоке беженцев всё смешалось: люди, автомобили, телеги, тракторы, коровы-стада из пригородных колхозов гнали!.. В три часа на мосту произошёл затор. Вместо того, чтобы спихнуть с моста застрявшие грузовики и ликвидировать пробку, все первым делом бросались захватить в них места. Форменный бой шёл: те, кто сидел на грузовиках, отчаянно отбивались от нападавших, били их чемоданами прямо по головам... Атакующие лезли друг на друга, врывались в кузова и выбрасывали оттуда оборонявшихся, как мешки с картошкой. Но только захватчики успевали усесться, только машины пытались тронуться, как на них снова бросалась следующая волна... Ей богу, попав впоследствии на фронт, я такого отчаянного массового героизма не наблюдал...»

Секретарь Союза писателей Александр Фадеев докладывал, что автор слов знаменитой песни «Священная война» Василий Лебедев-Кумач «привёз на вокзал два грузовика вещей, не мог их погрузить в течение двух суток и психически помешался».

Другой писатель, Аркадий Алексеевич Первенцев тоже пытался уехать из города вместе с женой. Процветающему тогда писателю государство выделило машину с шофёром и он ею пользовался. Но дорогу перекрыла огромная толпа: «Несколько человек бросились на подножки, на крышу, застучали кулаками по стеклу. Под ударами кулаков рассыпалось и вылетело стекло возле шофёра. Машину схватили десятки рук и сволокли на обочину, какой-то человек поднял капот и начал рвать электропроводку. Десятки рук потянулись в машину и вытащили жену. Она сопротивлялась в изнеможении и кричала. Несколько мужиков подняли её на руки и уволокли к соседнему с дорогой оврагу. Проходившие мимо красноармейцы попытались призвать толпу к порядку, но у них ничего не получилось. В конце-концов не стрелять же в людей. Толпа кричала, шумела и приготовилась к расправе, линчевать. Я знаю нашу русскую толпу. Эти люди, подогреты соответствующими лозунгами 1917 года, растащили имущества, убили помещиков, бросили фронт Первой мировой и дезертировали, убили своих офицеров, разгромили винные склады... Это ужасная толпа предместий наших столиц, босяки, скрытые 20 лет под фиговым листком профсоюзов и комсомола. Здесь же, армия защищавшая шоссе, была беспомощна. Милиция умыла руки. Я видел, как грабили другие машины, и во мне поднялось огромное чувство ненависти к этой стихии. Я смотрел на их разъярённые, страшные лица, на провалившиеся щёки, на чёрные, засаленные пальто и рваные башмаки, и вдруг увидел страшную пропасть, разъединявшую нас, сегодняшних бар, и этих пролетариев... Вошедшая во вкус толпа бросилась грабить очередной правительственный автомобиль ЗИС-101: из него летели носовые платки, десятки пар носков и чулок, десятки пачек папирос. ЗИС увозил из Москвы жирного человека из каких-то государственных деятелей, его жену в каракулевом саке и с чёрно-бурой лисой на плечах. Он вывозил целый магазин... Из машины вылетел батон белого хлеба и упал на дорогу. Какой-то человек в замызганном пальто прыгнул к этому сокровищу, поднял буханку и начал уписывать за обе щёки», щеря в блаженной улыбке беззубый рот... Безысходность и всполох катастрофы. Ужас. Жуть.

Драпали все. Но назло отчаянию в народе стала гулять злая шутка. Спрашивается: «На какой ленточке медаль «За оборону Ленинграда?» Ответ: «На муаровой. А медаль «За оборону Москвы»? «На драповой».

Вся Москва бросила работу, люди болтались без дела. Электрички стояли, машин и автобусов не было. Метро не функционировало. Лазарь Каганович подготовил Указ: «Метрополитен закрыть. Подготовить за три часа предложения по его уничтожению. Объекты разрушить любым способом...» В разных направлениях в метро спустили сотни тонн динамита. Большевики же любили разрушать. Хлебом не корми, уделают всё до основания. Была создана специальная комиссия по проведению «спецмероприятий», в которую входило пять человек: представители партии и наркомата обороны, от НКВД СССР-Иван Серов, от НКВД Москвы-Михаил Журавлёв. На ликвидацию гражданских объектов было выделено 20 тонн взрывчатки. Уничтожению подлежали так же хлебозаводы, холодильники, мясокомбинаты, вокзалы, трамвайные и троллейбусные парки, мосты, электростанции, а так же здания ТАСС, Центрального телеграфа и телефонные станции... Большевики своими намерениями собирались создать невыносимой жизнь простому народу, если они окажутся в оккупации. Иногда, в толпе слышались выкрики: «Бей коммунистов!»

На улицы Москвы с самолётов немцы сбрасывали листовки с различными текстами, которые только усиливали тревогу: «Москва не столица, Урал не граница...» Эта фраза в достаточно простой формулировке, как нельзя реально отражала намерения фашистов. Паника нарастала с каждой минутой. Радио молчало. Успокоить народ было некому.

В то время военная прокуратура зарегистрировала, что более 780 руководящих работников «сделали ноги». Ими было похищено из государственных касс почти 1,5 миллиарда рублей. Начальники самовольно угнали сотни грузовых и легковых автомобилей.

Все возмущались и говорили, что крысы первыми бегут с корабля, да прихватив при этом с собой несметные ценности. Люди имели ввиду крыс начальников и крыс жирных партийных функционеров.

Истерика ощущалась везде. Особо когда «волна» передавалась сверху.

У людей от бессилия перед надвигающейся катастрофой появлялась ожесточённость и свирепая злоба на всех и на всё. С трудом можно было представить, что с такими невменяемыми людьми можно было адекватно разговаривать

Абсолютно всё было в дефиците. В очередях наблюдались постоянные драки. Наглые мужики в ожидании привоза продуктов душили старух, а в магазинах могли запросто прихлопнуть горластых молодух. Гражданская, а сейчас прифронтовая жизнь обесценилась донельзя. Получив месячную зарплату-отступные, паникёры на вокзалах штурмовали поезда. Чтобы продукты не портились, перед закрытием магазинов их стали раздавать прохожим на улице.

Обнаглевшая молодёжь бандитствовала. А милиционеры слонялись по тротуарам, как неприкаянные. Проще говоря, охраняли сами себя. Стояли по 2—4 человека, глазели на всё происходящее, не вмешиваясь и спокойно покуривали папироски.

У них всегда был один и тот же ответ: «Нет никаких инструкций...»

Как и положено проходимцам, в первых рядах драпали коммунисты. Художница Андреева А. А.: «Партийная верхушка института, зная, что он переоборудуется в госпиталь и скоро привезут раненных, бежала. Но, при этом, выкрала и увезла с собой все запасы спирта и денег...»

Ярые коммунисты поголовно сжигали в спешке свои партбилеты. «В связи с трусостью и приближением фронта к городу 1551 партийцев уничтожили свои парткнижки». Обычное дело, когда на улицах разлетались деловые бумаги. Если приглядеться, то можно было понять, что это совсекретные партийные документы.

Партийные бонзы считали, что главное спасти свою шкуру. А то, что по этим «ксивам» Гестапо может найти и уничтожить тысячи людей они не задумывались.

Замнаркома внутренних дел И. Серов докладывал 18 октября Наркому Л. П. Берии о том, что при обходе тоннеля Курского вокзала сотрудниками милиции было обнаружено 13 мест бесхозного багажа. При вскрытии оказалось, что там находятся секретные пакеты Москов-

ского горкома ВКП (б), партбилеты и учётные карточки на руководящих работников обкома, горкома, облисполкома и областного управления НКВД, а так же на секретарей райкомов Москвы и области! Попади эти документы в руки немецких агентов, то люди были бы обречены. Были бы под риском быть убитыми даже в мирное время.

Что это было? Схрон, вброс совсекретной документации для абвердиверсантов, или посылка-подарок для Гестапо? По истечении времени не узнать уже.

Отдельная басня о Центральном комитете ВКП (б) по руководством Маленкова Г. М. Они-то точно в составе райкомов, горкомов драпанули в полном составе.

«За дезертирство со своих постов» были сняты с работы и исключены из партии секретарь Шаховского РК ВКП (б) и председатель Шаховского райисполкома.

Слома голову, наперегонки бежали из Москвы сотрудники ЦК ВКП (б)!

Замначальника 1-го отдела НКВД старший майор госбезопасности Шадрин докладывал Наркому ВД Меркулову В. о том, что в покинутом людьми и бесхозном здании ЦК ВКП (б) нет ни одного сотрудника!

«Всё хозяйство и документация брошена и оставлена без присмотра. Сжечь секретную документацию некому.

В самих кабинетах руководящего состава ЦК ВКП (б) царит полный разгром. Столы вскрыты, замки взломаны, бланки, секретная переписка и директивы ЦК ВКП (б) валяются на полу и в коридорах.

В котельную вынесли для сжигания особо секретные документы. Однако их бросили. И они разлетелись по всему двору.

Пожарной и какой-либо другой охраны не было. Все просто сбежали. Противопожарное оборудование разбросано и украдено.

Пресечено хищение 100 пишущих машинок, 128 пар валенок, тулупов, 22-х мешков с обувью и носильными вещами, нескольких тонн мяса, нескольких бочек с сельдью и других продуктов...»

А в разграбленном личном кабинете смога (!) товарища Жданова обнаружены брошенными 5 совершенно секретных пакетов...»

И это всё о элитной верхушке великой и объединяющей партии большевиков?! Только тихо... Тс-с-с... Никому об этом...

В Москве царил растерянность, главенствовала безнаказанность, а желание спастись и выжить любой ценой привели к тотальному беспределу. Однозначно, власть потеряла в то время контроль над городом и людьми. Самоустранилась и дистанцировалась от обрушившегося на социалистическое общество глобального испытания.

Из своих нор, малин и схронов повывлезали уголовники всех мастей. Они грабили магазины, богатые конторы. На особом счету у них были ломбарды и ювелирные магазины. Все вопросы решались на кулаках и с поножовщиной. Организованные группировки начали грабить эшелоны. Масла в огонь подливали заброшенные в тыл диверсанты.

Некто Коровин И. С. опубликовал пораженческий призыв к свержению «жидомасонской клики» Сталина под названием «Как охранить себя от холода». Пораженческий Манифест стал стремительно распространяться по рукам населения. Это поднимала голову подпольная организация «Союз спасения Родины и революции». Коровина, впоследствии, выловили и расстреляли в органах НКВД.

Наступил период «разброда и шатаний».

17 октября передовые части Вермахта достигли Химок. До Москвы немцам оставалось 19 километров. На Курском вокзале негде ступить-все лестницы, где только можно поставить ногу заполнены живыми телами, узлами, корзинами. Это напоминало разруху 1919 года, тиф и хаос. Режим Сталина словно растворился, а с ним и его идейный партийный аппарат. По нормам разбежались НКВДшники, попрятались милиционеры. Жесточайший и казавшийся

незыблемым режим в одночасье рушился на глазах. У людей пропадал страх к коммунистам. Вдруг, люди стали понимать, что с его исчезновением улетучивалась и советская власть. В женских парикмахерских не хватало мест, очередь за сутки вперёд. Дамы переговаривались в хвостах на тротуарах: «Немцы идут, надо причёски делать, марафет наводить». Многие считали, что после ужасов 1937 года страшнее уже ничего не бывает. Поговаривали: «А что, будем уничтожаться вместе со всей Европой!»

Но 20 октября властимущие, наконец-то, прозрели и ввели в Москве осадное положение. Требования к гражданам города были очень жёсткими.

Приказ предусматривал применять к трусам, паникёрам, шкурникам, мародёрам и грабителям любые меры, вплоть до расстрела на месте. Расстреливали часто по делу и без дела. Слухи поползли по городу. Это охладило «горячие» головы.

Народ вздохнул облегчённо. Стало понятно, что не вся власть сбежала.

А 23 октября немцы были остановлены на подступах к Серпухову, Алексина, у Тарусы и у реки Нара. Люди поверили в возможный благоприятный исход.

В кинотеатрах вновь стали крутить фильмы «Дело Артамоновых», «Свинарка и пастух», «Казачьи Деды», «Боевой сборник №6», хроникальные журналы №99 и №100.

Заработало метро. На улицы выехали машины такси.

Впоследствии факт «московской паники» и партийных небожителей засекретили. Но шила в мешке не утаишь.

Вся страна что-то, где-то слышала и перешёптывалась. Даже на фронте бойцам было известно об октябрьских беспорядках и хаосе в столице.

...А в это время на подступах к Москве разворачивались ожесточённые бои. РККА не сдавалась. Истекала кровью простых красноармейцев, но мужественно держала удар. Простые солдаты своими жизнями исправляли ошибки и компенсировали неспособность своих командиров правильно и с умом управлять своими войсками и наводить порядок в тылу.

На землях дальнего пригорода завязались схватки не на жизнь, а на смерть. Над Москвой нависло время кровопролитного испытания.

Святогор и его наследие

Белорусская ССР. Село Сокольничи.

17 июля 1941 года.

А теперь расскажу вам, с моей точки зрения, о безусловном и настоящем герое. О мальчишке из Орла, 20-ти летнем Николае Сиротинине.

Росточка он был далеко не гигантского. Всего сто шестьдесят четыре сантиметра. А весом целых пятьдесят четыре килограмма. Не богатырь, скорее паренёк тощий.

Звание у него было старший сержант.

По национальности был русским.

Воинской профессией артиллерист, командир орудия.

Младший начсостав истребительной противотанковой батареи значился на довольствии в 55-м стрелковом полку, 6-й стрелковой дивизии, где и сам Николай.

Командовал Сиротинин пушкой УСВ калибра 76 мм, которая в боевом положении весила полторы тонны. Вес противотанкового подкалиберного снаряда был шесть килограмм. Боекомплект составлял 60 снарядов.

Дополнительно у него были ещё личный карабин и патроны к нему.

А целью беспощадного боя, в который вступил артиллерист, была острая необходимость задержать противника при отходе своего полка на новые рубежи.

Замечу только, что эффективная прицельная дальность стрельбы противотанковой пушки всего 600 метров! К примеру, для среднего немецкого танка Т-3 дистанция в 600 метров, это по ровной поверхности меньше 57 секунд быстрого хода!

17 июля 1941 года старший сержант Николай Сиротинин остался прикрывать отход своего стрелкового полка возле села Сокольничи, что в Белоруссии. Со своей 76 мм пушкой артиллерист выбрал удобную позицию на холме среди густой ржи у колхозной конюшни. На взгорке, с которого прекрасно просматривалась переправа и мост через реку.

Рано утром по шоссе Москва-Варшава на перехват ушедшему родному полку выдвигался немецкий авангард 4-й танковой дивизии 2-й танковой группы на то время любимца фюрера генерал-полковника Хайнца Гудериана.

Он только что покорил Польшу, а тут на пути великого Вермахта какая-то деревушка на обочине дороги маячила.

На протяжении более чем 3-х километров, до самого окаёма дорога была забита вражеской техникой. Не встречая преград на своём пути, гитлеровцы с удовольствием наматывали на траки своих танков неисчислимые вёрсты русской земли.

Бронетанковая колонна двигалась как на прогулке, в окружении мотоциклистов и автоматчиков. Фашисты радовались сиюминутным победам. Серьёзного сопротивления им же никто не оказывал. Поэтому они не тушевались, а пёрли по советской земле общим устрашающе-смертоносным механизированным гуртом.

59 немецких средних танков Т-3. Каждый из них имел пушку и по 3 пулемёта, экипаж составлял 5 человек. В грузовиках находилась рота пехоты: 4 офицера, 26 унтеров, 161 солдат. На вооружении у них было 47 пистолетов «Вальтер», 16 автоматов шмайссеров, 132 карабина, 12 ручных пулемётов, 3 противотанковых ружья, 3 миномёта 50 мм. Клубы пыли поднимали гусенично-колёсные бронемашины, мотоциклисты.

И вся эта махина ломилась к мосту через речку Добрость. Прямохонько на Москву. Страшно было смотреть на эту армаду. Казалось, ничто не могло помешать фашистам преодолеть путепровод через водоём и всей ордой двигаться дальше к своей цели.

Но именно здесь неприятельская прорва вступила в открытое противостояние. Наконец-то, хоть кто-то, здесь и сейчас дал отпор оккупантам!

Именно на этом участке фронта всю ответственность за судьбу Родины взял на себя лишь один-единственный русский солдат, красноармеец Николай Сиротинин.

– Заткнёшь мост и отходи. Только прихвати с собой замок от пушки. В вещмешок засунь. А лошадь будет ждать тебя за сарайчиком конюшни. Налегке быстрёхонько догонишь, – сказал при отступлении полка командир противотанковой батареи.

– Не беспокойтесь, всё сделаю, – маленький сержант смотрел на лейтенанта снизу вверх спокойно и уверенно.

Кто, если не он, дитё горькое, остановит фашистов?

Но и один в поле воин, если он настоящий герой и если он русский.

Меткими одиночными выстрелами Николай поджёг головной танк и тот, что ближе к хвосту колонны. Немцы попытались стащить с дороги подбитые машины, но не удачно. На дороге образовалась пробка. Двинувшиеся вброд реки танки застряли.

Тем самым задача была выполнена, и он мог уйти догонять своих.

Но старший сержант Сиротинин остался и продолжил бой. Ведь у него ещё были снаряды.

С прямой наводки Николай стрелял и стрелял. Прицельно вышибал вражескую технику. Танк за танком. Уничтожал бронемашину, мотоциклы, личный состав пехоты.

Красноармеец-артиллерист искусно замаскировался на холме во ржи. Поэтому немцы долго никак не могли определить артиллерийскую позицию, место расположения противотанковой пушки. Она была расположена аккурат против солнца.

За 2,5 часа боя Николай Сиротинин отбил все атаки фашистов. Он лично уничтожил 27 танков (по некоторым источникам 12), 7 бронемашин, 57 солдат и офицеров неприятеля.

Когда немцы вышли на его позицию, у него оставалось всего 3 снаряда. Сдаваться он отказался и продолжил свой последний бой, отстреливаясь из карабина.

Так и погиб настоящий русский герой.

На его могилу немцы согнали всех жителей села Сокольничи. Анна Фёдоровна Поклад сразу признала паренька. На солдатском постое она же сама отпаивала коровьим молочком тихого, маленького и щуплого солдата. Паренька тощего.

– Дитё горькое, – называла с жалостью. Слишком уж был мирный, домашний, не боевой.

А фашисты, потрясённые храбростью русского солдата уложили его тело на расстеленную плащ-палатку. С уважением сняли каски, танкистские перчатки и отдали русскому солдату честь уважения троекратным салютом из винтовок.

На митинге оберст, полковник Хайнфелд особо подчеркнул, что если солдаты фюрера будут драться так же, как этот русский защищал Фатерланд, свою Родину, то в скором времени они завоюют весь мир.

А Россия будет лежать у ног великой Германии: «Дойчланд, хайль!»

После похорон гитлеровцы долго стояли у противотанковой пушки и могилы. С восхищением подсчитывали выстрелы, попадания и осматривали вид на дорогу с позиции героя-артиллериста.

Им не верилось, что подвиг совершил один человек. Немцы были поражены мужеством и стойкостью русского бойца!

И, скорее всего, их одолевали нехорошие мысли.

Ведь война только начиналась и что с ними случится, если русские будут сопротивляться с таким ожесточением и непокорностью?

Это был единственный и прощальный троекратный залп на могиле чудо-воина, смельчака и храбреца. Салют, которым почтили подвиг героя не его боевые друзья и товарищи, а заклятые враги. Его убийцы, солдаты Вермахта. Фашисты.

В то безысходно тяжёлое время, Отчизна так и не узнала о подвиге своего сына.

Тем не менее, это был самый невероятный случай мужества и героизма в мировой истории Второй мировой войны.

Великий подвиг всего одного человека!

И только спустя десятилетия нам поведали об уникальнейшем защитнике нашей Родины. Бесспорно лучшим из лучших среди себе подобных! Да, и, пожалуй, во все времена!

Но Родина не оценила должным образом подвиг рыцаря без страха и упрёка, старшего сержанта-артиллериста Николая Сиротинина. Комдив не воздал должное по достоинству своему бойцу. Командование не представило его к званию Героя Советского Союза.

Но слава о его мужественном поступке навеки останется в сердцах простого народа.

Это ли не настоящая честь для павшего в бою солдата!

Спи спокойно русский герой. На веки-вечные настоящая легенда ратного подвига! Мы, простые люди России будем помнить подвиг Николая Сиротинина во все времена.

Но прошли годы. Прах с поля боя перенесли в братскую могилу в райцентр Кричев. Чтобы и мёртвый русский герой не выделялся среди других павших. Нигде же не написано было, что героем был покойничек. Все же в те годы воевали. Кто хуже, кто лучше, но всем досталось с избытком. С лихвой и сверх всякой меры.

Святой для потомков островок земли у конюшни зарос чертополохом. Поле распахали.

Раздавленные гусеницами немецких танков пустые снарядные ящики пошли на растопку в печку местной конюшни. Латунные гильзы мальчишки сдали во «Вторчермет». Разграбленную сельчанами и брошенную бесхозную боевую пушку колхозники оприходовали в металлолом. Правда, колёсагодились местной кузне. Для телеги.

На деньги, вырученные с продажи железа, деревенские мужики купили в сельмаге водку. Беленькую же завезли давеча. Даже на закуску хватило, ириски там всякие взяли.

Ну и пропили непосильным трудом заработанное счастье. Чего тут было валандаться.

Все мужики довольны остались. Раскумарились.

В те времена сторожем конюшни в Сокольничих был колченогий Феофаныч. Все деревенские забулдыги-землеробы собирались у него на завалинке.

Так было принято в деревне посудачить у конюшни о том, о сём. Соточку, другую пропустить с устатку.

Уже ночью, сторож вставал деревянной ногой на холмик по соседству со стойлом и орал на бескрайние поля к востоку, где должно было взойти солнце

– На поле танки грохота-а-а-ли-и-и, солдаты шли в последний бо-о-ой, а молодо-о-го-о-о команды-и-и-ра-а-а, – потом он садился на холмик могилки, плакал, горевал за свою разбитую судьбу и далеко не героическую, а так-сяк уже давно прошедшую молодость.

Но всё равно, широкая была натура у мужика! Никак не иначе, как орлом признавал себя Феофаныч! Уважаемым в колхозе человеком.

Не к кому-нибудь, а к нему тянулись мужики.

Утром же, он обнаруживал, что остатки закуски, сала и варёной картошки подьедало семейство ёжиков.

Он с ними пытался бороться. Прятал ужин под алюминиевую кастрюльку. И даже кирпичиком придавливал. Но ежикова родительница со своими шустрятами-ежатами остро чуяла, где можно было пожить и оставляла его с носом.

Уже утром, будучи с великого похмелья, Феофаныч пил огуречный рассол и пилился на холмик, берёзовый колышек с фанеркой и надписью химическим карандашом на ней «... артиллерист старший сержант Николай...»

– Хм... Каков таков Сиротинин? Хде, кто, почему, когда? – и, какое ему было дело до этого артиллериста? Чужой человек для него был этот Сиротинин. Одно слово, мертвец ужо.

– Ик-ык-ык! М-м-м, похмелиться бы надобно. С утра башка трещит и раскалывается!

А ежиха его точно достала. Маковой росинки могла не оставить, не то что вечерний закусок сохранить. Со своим семейством сидела на глиняном холмике и зыркала в мутное окошко конюшни.

Ожидала, мамашка, когда служивый сторож заколдобится. Поджидали, чтобы улучшить момент и шустрою семейкой начать столование. А там у них и пир горой.

Надоели ёжики Феофанычу! Службу свою исполнять ему мешали. Млекопитающие. Фу!

А посему солдатский погостник, надобно было убрать отседова. Убрать безо всяких на то рассуждений. Стук-бряк ногой топнул деревяшкой сторож!

– Убрать, и всё тут.

Не откладывая в долгий ящик, колхозник и пьяница-мозгоблуд поднял как-то вопрос на деревенском сходе. Бабы что-то верещали, судачили. Да кто их будет слушать, окаянных.

Теперича сторожу стало хорошо и просторно. Никакая палка с фанеркой не мешает глядеть из окна конюшенной сторожки. Охранять.

Опять же из самого же хлева открывался широкий простор на шоссе Москва-Варшава, на речку и мост на ней.

Панорама неопишная приключилась. Зашибись! Красотища! Аж, заколдобиться можно. Восторжествовала правда народная.

Председатель всегда был на стороне тружеников колхоза. Он же понимал прекрасно, что сегодня в передовиках ходит, а завтра могут в аглицкие шпиёны записать. Вот, так. От тюрьмы, да от сумы не зарекайся.

У Феофаныча лепота наступила. Можно было уже и небритой мордой в лопухи поваляться, а не макушкой в склизкий глиняный холмик. Одним словом, благолепие.

Но потом пришли следопыты и заявили, что у них по плану из военкомата, посещение могилы сержанта-артиллериста. Цветочки там посадить. Звезду поправить, оградку покрасить.

Мальцы таращили глаза на дорогу, на ржаное поле. Удивились они, когда узнали, что останки война увезли в район, в общую братскую могилу.

Затем, молокососы дружно пялились на сторожа, как на чучело. Общим стадом, никак не хотели верить ему, достойному представителю колхоза

– А я тутося не приделах буду. И не прессуйте меня шибко, – так распорядился Райисполком и лично—о—о (!) сам товарищ Енукидзе.

– Расходов будет меньше. Приходиться на всём экономить, – сказал районный начальник.

Как-то рано утром заявился в конюшню браваый капитан. С пушками в петлицах. Растволкал сторожа. Бесцеремонно, как у них в армии толкнул с топчана на землю.

Гаркнул ему в опухшее мордасово так, что лошади испугались!

Феофаныч уже слаб стал на ухо и не смог толково что-либо услышать, а тем более объяснить. Тем паче с бодуна.

Едва разобрал он, но и то только отрывками

– Герой... Родина... Не позволю... Честь... Совесть... Власть... Прокурор...

А через пару месяцев, Пафнутыч, бухгалтер колхозный, приволок на завалинку заначку самогона, затыренную женой. Радости-то было у мужиков!

Тут же почали мутную бутыль.

– Ха—ра—шо—о—о—пш-ш—ла—а-а, – закусили грибочками колхозники.

Сказывал он, что в райцентре врага народа раскрыли. По случаю это был районный прокурор. Говорят, что всё какую-то правду искал, доказывал что-то в военкомате и райкоме партии прокурор-фронтник. Но так и не нашёл видимо истины.

На лесоповал горемыку отравили.

А в середине шестидесятых, Феофаныч совсем уж стар стал.

На попутке добрались до него четыре женщины. Матушка, да сержантовы сестрички: Кира, Таисия да Нина. Спрашивали и искали, где ихний Коля родимый погиб. Вглядывались

в синеву неба, осматривали поле до горизонта, рассматривали дорогу, что вела от конюшни к мосту.

Женщины негромко плакали в носовые платочки. Сопельки свои утирали.

И чего привязались? Да сторож и позабыл уже, где колышек с фанеркой стоял. Не смог даже место гибели и бывшего захоронения показать. Всё уж позабыл горемыка алкаш – Вроде там. А может здесь? Нет же. Помнится, что возле куста репейника. Или полыни? Так и уехали, женщины не попрощавшись.

Смотритель не обронил им вдогонку ни слова на прощание. Тем более не выказал никакого сострадания. Чего их потачить-то?

– А я что, жалиться им буду? Да хто они такие? – хорохорился пьяный караульщик.

В солнечный день начала мая появились красногалстучные пионеры и горласто заявили, что им надобно отчитаться по акции «Никто не забыт и ничто не забыто».

Настырные, даже нахальные такие были малолетки школьные волонтёры.

Зырк туда, зырк сюда. И, вдруг, шнырь вылупились на охранника. Пояснений ждали, шельмецы у авторитетного человека.

Чисто, как в НКВД на допросе в тридцать седьмом.

Ихняя очкастая училка напористо и упрямо, цепко высматривала всё вокруг.

– Дети смотрите на шоссе, до него шестьсот метров. А здесь у него располагался боекомплект. Именно за этим углом конюшни его ожидала лошадь...

Салажата притащили ржавые жестянки от укупорки военных снарядных ящиков. Вытащили железку из бревна сторожки. Гильзу латунную нашли

– Дедушка, а, дедушка! Это что такое? – спрашивали сопляки Феофаныча.

– А я-то причём тут? Отстаньте, сгиньте от меня скорейча, – испуганно вещал тот в ответ.

Пора уже было опохмеляться, а они палочками всё рыли в округе, искали что-то. Вопросы задавали каверзные и глупые. Вот и землю перекопали с угла сторожки, свидетельства героического боя всё искали, стервецы.

Делать им больше нечего, пионэрам козлатым.

Нет бы до «Сельпо» сбегали, а тут все нервы уже расшатали

– Фу, бестии красножопые! Уехали, наконец-то... Свят, свят, свят...

Потом и самого Феофаныча на деревенский погост вперёд ногой унесли. Перед тем, как крышку гроба заколотить, культяшку отстегнул напарник егойный, конюх Пантелеймон. У него на чердаке соль, спички, мыло всегда про запас были. И нога деревянная не помешает.

Пусть лежит пока, есть пить, спать не просит, чёрного дня ждёт-дожидается. Шутки-улыбки вам всё, а вдруг завтра война и спрос на неё окажется?

А в двухтысячных пришли в деревню какие-то патриоты.

Сказывали, что из новой московской партии они. Толи очередной предвыборной, толи обязательной и постоянной да с медвежьим раскладом.

«Мутные» какие-то.

Местные так и не распознали о тонкостях политического расклада представителей московского бомонда. Но те зато щедро расплачивались в деревенском киоске. Сорили тыщными. Да-а-а...

В любом случае, центровые зачислили здешнего Колю в «Бессмертный полк». Сказали, что в советах местных не нуждаются.

Сами же пофигисты москали ничего не осматривали. Не шарахались по полям, да по округе, как некоторые отмороженные пришлые.

– В принципе, как всё здесь давным-давно случилось, нам по барабану. Вся поездка оплачена олигархами, поэтому нам будет только отчёт нужен, – промолвили, – подпишете?

Затем они в изобилии разливали водку с местными мужиками. Конечно, выпивали хорошо. Прилично закусывали. Нет конечно, никаких патриотических песен не пели, слов не знали.

– Знамо дело не чокаться, парни. Вилки-то со стола уберите. Не чокаться, не чокаться, – опять же того самого Николая Сиротинина помянули.

Только сказали они деревенским людям, что Коле героя всё равно не дадут. Потому что не имеется в архивах его фотографии. И командир дивизии, как положено за Героя не просил. Приказа о награждении комдив, оказывается, никакого не подписывал.

И нечего тыкать им, представителям политической власти в лицо главнокомандующим.

– Эх—х—х—ма—а-а!.. Не чокаться, не чокаться, друзья! – мы и так сами всё знаем, – вон их сколько уже поменялось, самых главных военачальников. Маршалы приходят и уходят, а снимок-то, карточку Колину всё равно не найти. А по закону о Герое, без фотки, ну никак не прокатит. Не присвоят Коле Героя без фотокарточки! И просить даже бесполезно.

– Лучше выпить за его светлую память, – опять же помянули, – не чокаться... Закусили.

– Светлая память пусть будет Николаю, только не чокаться, не чокаться господа.

То ли был Коля, то ли не было его подвига в суетной жизни. Может быть, это легенда? Ладно, уж, пусть так и будет. Ведь с нею и жить как-то сразу легче становится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.